

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ОБРАЩЕНИЕ
СВТ. ФИЛОФЕЯ КОККИНА
К ЖИТИЯМ СВВ. САВВЫ
НОВОГО И НИКОДИМА
НОВОГО В КОНТЕКСТЕ
ХРИСТИАНСКОГО ПОДВИГА
ЮРОДСТВА В ПОЗДНЕЙ
ВИЗАНТИИ

Ольга Николаевна Афиногенова

кандидат исторических наук
доцент кафедры Истории и теории церковных искусств (МДА)
заведующая научной редакцией Агиографии Восточных
христианских Церквей (ЦНЦ «Православная энциклопедия»),
г. Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10 А. стр. 1
helgaharen@mail.ru

Для цитирования: *Афиногенова О. Н.* Обращение свт. Филофея Коккина к житиям свв. Саввы Нового и Никодима Нового в контексте христианского подвига юродства в Поздней Византии // *Диакрисис.* 2024. № 4 (24). С. 136–150. DOI:10.54700//diakrisis.2024.4.24.005

Аннотация

УДК 27-1(271.2-726.1)

В статье дается краткий обзор феномена христианского подвига юродства в византийской истории с особым вниманием к самым первым его проявлениям и к периоду его бытования в Поздней Византии. Подробно рассматриваются два жития юродивых авторства свт. Филофея Коккина — прпмч. Никодима и прп. Саввы Нового и выясняется отношение к юродству в Византии XIV века с учетом сложной и неоднозначной истории этого явления.

Ключевые слова:

Юродство, история Византии, агиография, Филофей Коккин, Леонтий Неапольский, Симеон Эмесский, Савва Новый, Никодим Новый.

Феномен византийского юродства является самобытным культурно-религиозным явлением, хотя некоторые исследователи усматривали в образе жизни византийских юродивых влияние античных философов киников¹. Истоки возникновения такого специфического вида подвижничества, как юродство, со скрупулезной точностью проследить сложно.

Уже в Новом Завете можно найти слова, которые как бы предвосхищают появление этого феномена: *Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, ...потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков* (1 Кор. 1, 20–27), *Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор 3, 18–19), *Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе* (1 Кор. 4, 10). Именно эти слова ап. Павла цитирует автор первого византийского пространного жития, посвященного подвигу юродивого прп. Симеона Эмесского (VI в.), Леонтий, еп. Неаполя Кипрского (ныне г. Лимасол) (VII в.).

Однако там, где в синодальном переводе стоит слово «юродство», у ап. Павла используется слово *μωρία* — «глупость, безумие». Но все же, в греческом языке для обозначения юродивых со временем стало использоваться определенное слово — *σαλός*, которое также означало «безумец, дурак», но употреблялось гораздо реже синонима *μωρός*. Отметим, что появление текста, посвященного «классическому» юродивому (прп. Симеону Эмесскому), относится к VII в., однако сам феномен притворного безумия во имя неких духовных целей был известен в Византии раньше. Отрывочные сведения о подвижниках, притворяющихся безумцами, мы можем найти в различных памятниках ранней монашеской литературы. Юродивые, как правило, были именно монахами, а не мирянами, поэтому почитались в лике преподобных отцов.

¹ См., например: *Krueger D. Symeon the Holy Fool: Leontius's Life and the Late Antique City. Berkeley, 1996. P. 100–106.*

В процессе формирования канонов этой парадоксальной традиции складывается определенная формула наименования подвижника — он не просто «безумец» (σαλός), а безумец «Христа ради», что на русской почве превратится в устойчивое выражение «юродивый Христа ради». Эта формула подчеркивает, что святой изображает безумие согласно особому обету, он действует не ради своей выгоды, а проводит богоугодную жизнь, пусть она внешне выглядит как череда абсурдных, дерзких, иногда на грани кощунства, эпизодов.

Но уже на Трулльском Соборе (692 г.) появляется правило (60), которое гласит: «Посему рассуждено: лицемерно беснующихся, и таковой образ действий, по злости нравов, притворно на себя приемлющих, наказывать всяким образом, и подвергать их таким же суровостям и трудам, каковым подлинно беснуемые, ради освобождения от демонского действия, праведно подвергаются.»² — то есть, фактически такое притворство церковными канонами запрещено, без оговорок и каких бы то ни было исключений.

Тем не менее, начиная с Симеона Эмесского, юродивые в Византии пользовались широким почитанием, хотя в силу своей специфики этот лик святости не был многочисленным. В X веке в Константинополе создается ряд художественных текстов по образцу житий, одним из которых является житие св. Андрея Юродивого, предположительно жившего в Константинополе в V веке; автор текста, несомненно, был знаком с житием прп. Симеона Эмесского и обращался к последнему, как к образцу³. И очень скоро, в XII в. прп. Неофит Затворник популяризирует почитание Андрея Юродивого, распорядившись создать его изображение в Энклистре (храме близ основанного им монастыря на Кипре)⁴. Только, канонист Никон Черногорец (XI в.), наконец, обращает внимание

² Правила православной церкви с толкованиями Никодима еп. Далматинско-Истрийского / Пер. с серб. М., 1994. Т. 1. С. 548.

³ *Ryden L. Style and Historical Fiction in the Life of St. Andreas Salos // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1982. Bd. 32. S. 175–183*

⁴ *Mango C., Hawkins E.J. W. The Hermitage of St. Neophytos // Dumbarton Oaks Papers. 1966. Vol. 20. P. 179*

на канон Трулльского Собора и неоднократно подчеркивает, что Церковь юродство не одобряет; в частности, он высказывает это мнение в своих «Пандектах»: «Божественные законы отвергают тех, кто практикует юродство по образцу великого Симеона и Андрея, и ныне совершенно это запрещают»⁵. В позиции Никона Черногорца интересно то, что он не предлагает прекратить почитать известных святых-юродивых, напротив, он называет их «великими», однако резко настаивает на запрещении подражания им. Канонист XII в. Феодор Вальсамон дает весьма туманный комментарий на 60-е правило Трулльского Собора, подчеркивая лишь, что нужно с большой осторожностью относиться к симуляции безумства⁶.

Однако, в Поздней Византии, в XIV в. свт. Филофеей Коккин, известный как богослов (сторонник свт. Григория Паламы и движения исихазма), автор полемических, догматических, экзегетических сочинений, а также как один из последних и самых плодovitых византийских агиографов, дважды занимавший патриаршую кафедру Константинополя (14 авг. 1353-кон. 1354 и 8 окт. 1364-авг./сент. 1376), вновь обращается к теме юродства. Он написал сразу два жития, посвященных современному ему юродивым ради Христа. Насколько можно видеть, никакие церковные прещения не преодолели в поздней Византии наличия этого парадоксального пути подвижничества.

Время жизни свт. Филофея пришлось на очень тяжелый период византийской истории, для которого были характерны пагубные внутренние распри, кровопролитная борьба за власть сначала между представителями династии Палеологов Андроником II и его внуком Андроником III (гражданская война 1321–1328 гг.), затем между Кантакузинами и Палеологами (гражданская война 1341–1347 гг.), внутрицерковные нестроения и чрезвычайно сложное внешнеполитическое положение Империи. Под натиском турок

⁵ Максимович К. А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе. XII в. М., 1998. С. 270 (2-я пагинация).

⁶ Ράλλης Κ, Πότλης Μ. Σύνταγμα θείων καί ιερῶν κανόνων. Τ. 2. Αθήναι, 1858. S. 441–442.

были потеряны почти все исконные византийские территории. В такие грозные времена, сам будучи вовлечен в политическую борьбу между императором Иоанном IV Кантакузином и Иоанном V Палеологом, а затем и между Иоанном V и Андроником IV Палеологом, свт. Филофей находил возможность для составления богословских трудов и, что наиболее удивительно, для обширной деятельности по написанию как новых агиографических произведений, так и переложению старых.

Как агиограф, патриарх Константинопольский свт. Филофей Коккин обращался к житийной традиции 12 апостолов и пророка Иоанна Предтечи и к традиции древних святых, таких как прп. Онуфрий Великий, вмч. Феодор Тирон. Но особенно важны для истории его сочинения, посвященные его современникам. Во многом материалы свт. Филофея являются уникальным источником о жизни этих подвижников. К числу таких трудов относятся житие свт. Григория Паламы († 1357) (*Bibliotheca Hagiographica Graeca*, N 718, 719b), биография патриарха Константинопольского свт. Исидора I Вухира († 1350) (*Bibliotheca Hagiographica Graeca*, N 962), житие прп. Германа Марулиса († ок. 1336) (*Bibliotheca Hagiographica Graeca*, N 2164), а также жития двух юродивых Христа ради — прп. Саввы Нового († 1349) (*Bibliotheca Hagiographica Graeca*, N 1606) и прп. Никодима Нового († ок. 1307) (*Bibliotheca Hagiographica Graeca*, N 2307). Последний долгое время оставался местночтимым святым в г. Верия (Северная Греция), не имея даже отдельного дня памяти. Лишь в 1988 году митрополит Верийский Павел (Янникопулос) установил память прп. Никодима в Элладской Православной Церкви под 24 ноября, таким образом подчеркивая значение своей епископской хиротонии, которая состоялась 24 ноября 1968 года. В Календарь Русской Православной Церкви эта память не включена, впрочем так же, как и память более известного святого — прп. Саввы Нового (память в Элладской Православной Церкви: 5 сентября, 15 июня, в Соборе всех прп. отцов, подвизавшихся на горе Синай, в Соборе Ватопедских святых).

Прежде чем перейти к анализу отношения свт. Филофея к феномену юродства, обозначим интересный факт — в своих

произведениях он обходится без слова «юродивый»⁷; возможно, это связано с тем, что свт. Филофей помнит о правиле Трулльского Собора, и с тем, как относятся к юродству канонисты прошлых веков.

Вкратце напомним содержание двух житий Никодима Нового и Саввы Нового — двух последних византийских юродивых (Никодим почитается также как преподобномученик). Нам нужно будет представлять себе способ изложения информации Филофея Коккина для того, чтобы сделать выводы о его отношении к юродству.

Житие прп. Никодима.

Святой родился между 1260–1270 годами в Верии (Область Македония, северная Греция), происходил из обеспеченной семьи. Еще в молодые годы он решил посвятить себя Богу и ушел в некий не названный монастырь в Верии. Через некоторое время он решил отказаться от общежительного монашества и ушел в пустынную местность, подражая отшельникам. В житии описываются аскетические подвиги Никодима, ночные бдения, во время которых он привязывал себя веревками к неподвижным предметам, чтобы не упасть, задремав. После нескольких лет такой аскезы Никодим стал насельником в монастыре Филокалии в Фессалонике. Именно на этом этапе жизни он проявляет признаки подвига юродивого Христа ради. Никодим в монашеских одеждах начинает посещать блудниц и мимов. Для непосвященных людей такие действия выглядели как духовное падение монаха, но на самом деле, стяжавший дух бесстрастия, Никодим во время своих визитов отговаривал грешниц от их пагубного пути. Свт. Филофей особенно подчеркивает, что подвижник рассматривал свои действия как подражание Самому Христу, Который подвергался оскорблениям и клевете, так же и он претерпевал все тоже самое от своего настоятеля, полагавшего, что Никодим нарушает монашеские обеты.

⁷ Μαντζαρίδη Γ. Ι. Οἱ διὰ Χριστοῦ σαλοὶ στα ἀγιολογικὰ ἔργα τοῦ ἀγίου Φιλοθέου // Πρακτικὰ Θεολογικοῦ Συνεδρίου εἰς μνήμην τοῦ ἐν ἀγίοις πατρός ἡμῶν Φιλοθέου Ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινοπόλεως, Θεσσαλονίκη, 1986. Σ. 93

Так же свт. Филофей отмечает, что Никодим подражал и прп. Виталию Александрийскому, информация о котором содержится в Житии патриарха Александрийского, свт. Иоанна Милостивого, составленного тем же самым автором, который написал житие Симеона Эмесского — Леонтием, епископом Неаполя Кипрского. Никодим не только вел с блудницами и прочими грешниками душеспасительные беседы, но и отдавал им свою пищу взамен на обещание не грешить хотя бы один день или ночь, словно выкупая у них это время служения греху. Однако все это оставалось тайной для горожан, и такое поведение (визиты в дома терпимости) вызывало возмущение у всех, кто видел монаха, часто общающегося с блудницами. Однажды, когда Никодим по своему обыкновению отправился в дом терпимости, на него набросилась толпа людей, поддавшихся клеветническим наветам, и они нанесли святому тяжелые ранения мечами. Преподобный отец все же смог добраться до своей обители, однако игумен отказался впустить окровавленного насельника, и Никодим скончался прямо у ворот монастыря. Ему было около 40 лет. Спустя некоторое время после того, как Никодима похоронили неподалеку от монастырских стен, от его могилы стал ощущаться необыкновенный аромат. Погребение вскрыли и обрели нетленные мощи преподобного. В это время в Фессалонике находился император Андроник IV Палеолог, который распорядился провести процессию с изнесением мощей святого, и сам возглавил ее — честные останки пронесли вокруг стен города. Убийцы прп. Никодима вскоре попали в плен к каталонцам, которые занимались грабежом в окрестностях Фессалоники, и погибли в плену. На могиле Никодима продолжилось чудотворение⁸.

Житие прп. Саввы Нового⁹.

Савва Новый еще в юности почувствовал призвание к монашескому образу жизни и в 17 лет бежал из отчего дома на гору Афон.

⁸ Φιλοθέου Υπομνήματα εις οσίον Νικόδημον // *Τσάμη Δ.* Φιλοθέου Κωνσταντινπόλεως Του Κοκκίνου Αγιολογικά έργα. Τ. 1. Θεσσαλονίκη, 1985.

⁹ См. о нем также: *Афиногенова О. Н. [О.Н.А.] Савва Новый // ПЭ. Т. 61. М., 2021. С. 62–63.*

Там, неподалеку от Кареи, молодой послушник встретил инока, который стал наставлять его в исихазме. Духовник сначала насмеялся над Саввой и даже бил его. Но удивительная кротость нового насельника, его стремление к аскезе и братолюбие вскоре привели старца в восторг. Он предложил Савве принять священный сан, однако тот, считая себя недостойным такой чести, отказался. В 1307–1309 на Афоне объявились каталонские разбойники, они разорвали и грабили святые обители. Наставник Саввы решил перебраться в Фессалонику, а молодой монах не последовал за ним, поскольку опасался мирских искушений. Через некоторое время Савва Новый предпринял паломничество. Точный маршрут этого путешествия неизвестен. Оказавшись, в конце концов, на Кипре, Савва пришел к мысли принять на себя подвиг юродства Христа ради. Он наложил на себя обет молчания и в течение двадцати лет бродил по острову. Святой питался добровольным подаянием, но сам никогда ничего не просил. Киприоты относились к нему с сочувствием. Особых провокаций, свойственных юродивым более раннего времени, Савва Новый не производил, однако однажды подошел к богатому италийцу и сбил шапку у него с головы, давая понять, что его чванство не угодно Богу. Слуги италийца хотели жестоко наказать юродивого, однако местные жители горячо вступились за него и не дали совершиться насилию. Однако они сами все же постоянно глумились над молчащим подвижником, демонстрируя свое презрение к его образу жизни. При этом Савва Новый всегда улыбался в ответ на насмешки, показывая, что они не вызывают в нем гнева. Как-то некая женщина положительно обмолвилась о внешности подвижника, и тогда тот намазался нечистотами и просидел так неделю, чтобы больше никого не увлекать в искушение своим благообразным внешним обликом. Странно ведущего себя человека однажды избили католические монахи, но Савва Новый был исцелен благодатью Духа Святого. Спустя определенное время он нарушил обет молчания и заговорил с одним благочестивым человеком, назвав свое имя. Его собеседник сразу понял, что перед ним вовсе не безумец, а тот, кто лишь притворяется таковым согласно возложенному на себя подвигу. С этого момента о необычном монахе стала быстро распространяться молва, о нем стало известно и в Константинополе, и на Афоне, поэтому он

решил покинуть Кипр и уйти на Святую Землю. Добравшись до Синая, Савва Новый представился простым послушником и поступил в один из монастырей, где провел два года, выполняя самую черную работу. Затем он принял на себя подвиг отшельничества, уйдя в Иорданскую пустыню. Он победил беса, который напал на него в образе змея. В качестве духовного дара Савва Новый получил возможность созерцания нетварного Божественного Света, но всячески это скрывал. Тем не менее, как *не может укрыться город стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14), так и добродетели Саввы стали известны местным жителям, которые искали его духовного руководства. Избегая общения с людьми, Савва Новый ушел вглубь пустыни и постился там 50 дней. Ему явился Ангел, и после этого святой целых 4 года жил фактически словно будучи бесплотным, непрестанно созерцая Божественный Свет. По окончании этого срока Савва Новый пришел в лавру прп. Саввы Освященного, где затворился в келье. Постоянно на протяжении всей жизни подвижник претерпевал бесовские нападения. Бесы вытащили его из затвора и бросили в пропасть, но Савва не погиб, он оставался в яме сорок дней в непрерывной молитве. Во время этого поста ему являлся Сам Христос. Его случайно обнаружили монахи и достали из пропасти, после чего Савва целый год лежал, не шевелясь, на одном боку, а затем еще год сидел на скамье, принимая лишь скудную пищу.

Через три года, которые он провел в Лавре прп. Саввы, святой ушел в монастырь на берегу Иордана, где исполнял обязанности пономаря. Ему вновь явился Ангел и велел идти в Константинополь, что Савва и сделал, однако сначала четыре года провел на Крите, застыв на месте в непрерывной молитве. Добравшись до Константинополя, он затворился в обители во имя мч. Диомида. Савва не общался с посетителями и закрывал лицо куколем. Однако в городе стало известно о его пребывании в монастыре св. Диомида. С ним стали искать встречи самые знатные вельможи, но Савва отказывался от беседы даже с самим императором Андроником III Палеологом (1328–1341) и с патриархом Константинопольским Исаией (1323–1332). Окружение Саввы, пораженное его замкнутостью, даже стало сомневаться в том, исповедует ли подвижник православную веру без уклонения в какую-нибудь ересь. Поняв,

что смущает ближних, Савва написал свое вероисповедание и выразил полное почтение и государю, и патриарху.

Продолжая уклоняться от мирской славы, Савва пришел на Афон, где начинался его монашеский путь, там он под видом простого монаха подвизался в монастыре Ватопед. Именно там он встретился с будущим патриархом Константинопольским, свт. Филофеем Коккином. Поняв, что перед ним человек, которому дана будет честь рассказать о нем миру, Савва снял с себя двадцатилетний обет молчания и поведал Филофею свою историю.

Савве постоянно предлагали занять какое-то видное положение, но он категорически отказывался и только однажды согласился стать членом посольства афонитов в столицу, поскольку целью этой поездки была попытка примирения (март 1341) Иоанна V Палеолога (византийский император в 1341–1376, 1379–1390, 1391) и Иоанна Кантакузина (император в 1341–1354). Эти соперники вели кровопролитную гражданскую войну, отчего тяжело страдало византийское государство. Своей цели посланники не достигли, о чем Савве стало известно заранее. На Афон он уже не вернулся, а затворился в константинопольском монастыре Хора и прожил там шесть лет. Иоанн Кантакузин, питавший к подвижнику большую симпатию, хотел, чтобы он принял патриаршую кафедру, но Савва Новый наотрез отказался, а Иоанну Кантакузину и его жене посоветовал постричься в монахи, что Иоанн Кантакузин и сделал через некоторое время. В обители Хора последовала мирная кончина Саввы Нового.

Безусловно, обращаясь к составлению этих двух текстов, свт. Филофей Коккин основывался на классическом памятнике этого жанра и шедевре ранневизантийской литературы — Житии св. Симеона Эмесского. Упоминания юродивого Виталия, который притворялся блудником, а на самом деле был молитвенником за всех, живущих этим нечестивым ремеслом, свидетельствует и о том, что свт. Филофей знал и второй текст Леонтия Неапольского — Житие свт. Иоанна Милостивого, единственный источник сведений о Виталии. Таким образом данный труд свт. Филофея представляет собой некое подобие завершения агиографического круга традиции юродства, соединяя VI–VII века с XVI веком.

Интересно, однако, выявить не только параллели с древними рассказами в текстах свт. Филофея, но и найти отличия. Так, первое, что бросается в глаза, это то, что по сравнению с Симеоном Эмесским, который вел себя крайне вызывающе (объедался сластями в Великий Четверг на виду у всего города, стремясь скрыть свой очень строгий пост во время всей Четырнадцатидневницы, врвался в женскую баню и т. п.), Савва Новый демонстрирует поведение гораздо более скромное. Он практически не совершает провокационных поступков, за исключением срывания шапки с головы италийца. По крайней мере, мы можем точно сказать, что именно цели — совершать бесчинства для обличения человеческих грехов или сокрытия собственных добродетелей у него нет, что не совпадает с классическим обликом византийского юродивого — дерзкого провокатора. Еще можно заметить, что в его аскезе проступают черты другого парадоксального аскетического византийского явления — столпничества (он стремится ограничивать свое движение на долгое время). Интересен и еще один эпизод, который свт. Филофей как бы заимствует из жития прп. Симеона Эмесского, однако, с противоположной трактовкой. В Житии Симеона, написанного Леонтием Неапольским, есть сцена, где пустынный Симеон, достигший за 20 лет подвижничества невероятных духовных высот, делится со своим другом, отшельником Иоанном, желанием оставить пустынножительство и отправиться в мир под видом безумца, чтобы спасти как можно больше народу. Иоанна пугает это намерение, и он пытается доказать Симеону, что эти мысли ему внушил диавол¹⁰. Савва Новый в определенный момент, наоборот, начал сомневаться в выбранном пути юродивого и, в отличие от Леонтия Неапольского, трактовавшего намерение стать юродивым возможными кознями сатаны, Филофей Коккин приписывает уже сомнение в правильности юродства диавольскому соблазну, якобы диавол убеждал Савву Нового оставить юродство и вернуться на Афон к своему наставнику. Таким образом, для него, автора XVI века, вероятно, хорошо знающего

¹⁰ *Léontios de Neapolis. Vie de Syméon le Fou et Vie de Jean de Chypre / Ed. A.-J. Festugière, L. Rydèn. P., 1974. P. 77, 16.*

о запретительном правиле Трулльского Собора, юродство все же остается истинно добродетельным, спасительным парадоксальным путем, и он соглашается с богословским обоснованием своего раннего предшественника, Леонтия Неапольского, трактовавшего подвиг юродства ни много, ни мало, — как подражание Самому Христу. Подобно Спасителю, кенотически снизошедшему с высоты Своего Божественного величия и воплотившемуся от Девы, чтобы спасти грешников, юродивый сходит с высот своего уже достигнутого духовного совершенства и налагает на себя образ отверженного из отверженных, сносит побои, насмешки, унижения ради того, чтобы своим удивительным подвигом пробудить людские души к покаянию¹¹.

С. А. Иванов в своей монографии об истории юродства высказывает мнение, что свт. Филофей потому не наделяет своего героя, Савву Нового, чертами так называемых классических юродивых (вызывающее поведение), что к XIV веку юродство стало стандартным и стереотипным и утратило свой первоначальный смысл¹². Однако согласиться с таким выводом трудно. Во-первых, мы можем замечать параллели и даже внутренние ссылки на другие памятники того же жанра в житиях юродивых, но каждое такое житие носит яркий индивидуальный характер. Во-вторых, появление сразу двух житий в XIV веке в Византии говорит от том, что сохранялся не только народный интерес к этому пути, но и «сверху» был запрос на освящение этой темы (свт. Филофей Коккин неоднократно подчеркивает, что прп. Савва Новый стремился изображать безумие). И в-третьих, если иметь в виду, что смысл подвига юродства — не в самом эпатажном поведении (это лишь черта юродивого), а в следовании Христу и в приведении духовного состояния окружающих на спасительный путь, то смысл подвига в поздней Византийской империи, конечно, не забылся и не был утрачен, чему свидетельство — два великолепных памятника о подвижниках-юродивых, которые оставил свт. Филофей Коккин.

¹¹ *Φιλοθέου (Κόκκινος) Πατρ. Κωνσταντινοπόλεως. Βίος Αγίου Σάββα του Βατοπαιδίου του διά Χριστόν σαλού. Ερά μεγίστη Μονή Βατοπαιδίου, 2000.*

¹² *Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. С. 219.*

Источники

- Αφίνογενοβα Ο. Ν. [Ο.Ν.Α.].* Савва Новый // ΠЭ. Τ. 61. Μ., 2021. С. 62–63.
- Μαξιμοβιτς Κ. Α.* Πανδέκτες Νικωνα Черногорца в древнерусском переводе. XII в. Μ.: Языки русской культуры, 1998.
- Πравила православной церкви с толкованиями Никодима еп. Далматинско-Истрийского Т. 1. / Пер. с серб. Μ.: Международный издательский центр православной литературы, 1994.
- Φιλοφεί (Κοκκιν), πατρ. Κωνσταντιнопόλεως.* Житие и деяния прп. и богоносного отца нашего Саввы Нового, на Афонской Горе подвизавшегося / Пер. с греч., введ., примеч.: свящ. Π. Ραδτσенко. Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1915.
- Léontios de Neapolis.* Vie de Syméon le Fou et Vie de Jean de Chypre / Ed. A.-J. Festugière, L. Rydèn. Ρ.: Libr. orientaliste Geuthner, 1974.
- Ράλλης Κ., Πότλης Μ.* Σύνταγμα θείων καί ιερών κανόνων. Τ. 2. 'Αθήνα: ἐκ τῆς τυπογραφίας Γ. Χαρτοφυλάκου, 1858.
- Φιλοθέου Υπομνήματα εις οσίον Νικόδημον // *Τσάμη Δ.* Φιλοθέου Κωνσταντινπόλεως του Κοκκίνου Αγιολογικά έργα. Τ. 1. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Βυζαντινόν Ερευνόν, 1985.
- Φιλοθέου (Κόκκινος) Πατρ.* Κωνσταντινπόλεως. Βίος Αγίου Σάββα του Βατοπαιδίου του διά Χριστόν σαλού. Ιερά μεγίστη Μονή Βατοπαιδίου, 2000

Литература

- Krueger D.* Symeon the Holy Fool: Leontius's Life and the Late Antique City. Berkeley: University of California Press., 1996.
- Mango C., Hawkins E.J. W.* The Hermitage of St. Neophytos // *Dumbarton Oaks Papers.* Vol. 20. Washington, DC: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 1966. P. 119–206.
- Ryden L.* Style and Historical Fiction in the Life of St. Andreas Salos // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik.* Bd. 32. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1982.
- Μαντζαρίδη Γ. Ι.* Οί διά Χριστού σαλοί στα αγιολογικά έργα του αγίου Φιλοθέου // Πρακτικά Θεολογικού Συνεδρίου εις μνήμην του εν αγίοις πατρός ημών Φιλοθέου Αρχιεπισκόπου Κωνσταντινπόλεως. Θεσσαλονίκη: Ιερά Μητρόπολις Θεσσαλονίκης, 1986.
- Иванов С. А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. Μ. Языки славянских культур, 2005.

References

- Afinogenova O. N. [O.N.A.]. *Savva Novyj* [Savva the Young] // *Orthodox Encyclopedia.* Vol. 61. Moscow: CNC «Pravoslavnaya enciklopediya», 2021. P. 62–63.

- Filofej (Kokkin), patr. Konstantinopol'skij. *Zhitie i deyaniya prp. i bogonosnogo otca nashego Savvy Novogo, na Afonskoj Gore podvizavshegosya* [The life and deeds of our Saint and God-bearing father Savva the Young, who asceticized on Mount Athos] / Translated from Greek, introduction, note: priest P. Radchenko. Izdanie Afonskogo Russkogo Pantelejmonova monastyrya, 1915.
- Filofej (Kokkin), patr. [Φιλοθέου (Κόκκινος) Πατρ. Κωνσταντινοπόλεως]. Βίος Αγίου Σάββα του Βατοπαιδίου του διά Χριστόν σαλού [Life of Saint Savvas of Vatopaidi]. Ιερά μεγίστη Μονή Βατοπαιδίου, 2000.
- Φιλοθέου Υπομνήματα εις οσίον Νικόδημον [Filofeu's memoranda to Saint Nicodemus] // Τσάμη Δ. Φιλοθέου Κωνσταντινοπόλεως του Κοκκίνου Αγιολογικά έργα [Agiological works of patriarch Filofeous]. Vol. 1. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Βυζαντινόν Ερευνόν, 1985.
- Ivanov S. A. *Blazhennye pohaby: Kul'turnaya istoriya yurodstva* [Blessed Pokhabs: The Cultural History of Holy Fool]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2005.
- Krueger D. *Symeon the Holy Fool: Leontius's Life and the Late Antique City*. Berkeley: University of California Press., 1996.
- Léontios de Neapolis. *Vie de Syméon le Fou et Vie de Jean de Chypre* [Life of Symeon the Fool and Life of John of Cyprus] / Ed. A.-J. Festugière, L. Rydèn. P.: Libr. orientaliste Geuthner, 1974.
- Mandzaridi G. I. [Μαντζαρίδη Γ. Ι.] Οί διά Χριστού σαλοί στα αγιολογικά έργα του αγίου Φιλοθέου [Agiological works of patriarch Filofeous] // Πτακτικά Θεολογικού Συνεδρίου εις μνήμην του εν αγίοις πατρός ημών Φιλοθέου Αρχιεπισκόπου Κωνσταντινοπόλεως. Θεσσαλονίκη: Ιερά Μητρόπολις Θεσσαλονίκης, 1986.
- Maksimovich K. A. *Pandekty Nikona Chernogorca v drevnerusskom perevode. XII v.* [The Pandects of Nikon Chernogorets in the Old Russian translation. XII century] Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1998.
- Mango C., Hawkins E. J. W. *The Hermitage of St. Neophytos // Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 20. Washington, DC: Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 1966. P. 119–206.
- Pravila pravoslavnoj cerkvi s tolkovaniyami Nikodima ep. Dalmatinsko-Istrijskogo* [The Rules of the Orthodox Church with the interpretations of Nicodemus ep. Dalmatian-Istrian] Vol. 1 / Translated from Serbian. Moscow: Mezhdunarodnyj izdatel'skij centr pravoslavnoj literatury, 1994.
- Rallis K., Potlis M. [Ράλλης Κ., Πότλης Μ.] Σύνταγμα θείων καί ιερών κανόνων [Constitution of divine and sacred rules]. Vol. 2. 'Αθήνα: έκ τής τυπογραφίας Γ. Χαρτοφυλάκου, 1858.
- Ryden L. *Style and Historical Fiction in the Life of St. Andreas Salos // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Bd. 32. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1982.

**Appeal of Saint Philotheus Kokkinus
to the Lives of Saint Sabbas The Young
and Nicodemus The Young
in the context of Christian Ascetic Feat
of Foolishness for Christ in Late Byzantium**

Olga N. Afinogenova

Ph. D. (History), Associate Professor of the Department of History and Theory of Church Arts (MDA), Head of the Editorial Department of the Hagiography of the Eastern Christian Churches (Church Research Center "Orthodox Encyclopedia"), Moscow, Nizhnaya Syromyatnicheskaya St., 10A, building 1
helgaharen@mail.ru

For citation: Afinogenova Olga N. «Appeal of Saint Philotheus Kokkinus to the Lives of Saint Sabbas The Young and Nicodemus The Young in the context of Christian Ascetic Feat of Foolishness for Christ in Late Byzantium». *Diakrisis*. 2024. № 4 (24). P. 136–150. (in Russian). DOI:10.54700/diakrisis.2024.4.24.005

Abstract

The paper provides a brief overview of the phenomenon of Christian ascetic feat of foolishness for Christ in Byzantine history, with special attention to its earliest manifestations and the period of its existence in Late Byzantium. Two Lives of fools in Christ by Saint Philotheus Kokkinos — the holy martyr Nicodemus and venerable Savva the Young are examined in detail, and the attitude towards foolishness for Christ in Byzantium in the 14th century is clarified, taking into account the complex and ambiguous history of this phenomenon.

Keywords: Foolishness for Christ, history of Byzantium, hagiography, Philotheus Kokkinos, Leontius of Neapolis, Simeon of Emesa, Savva the Young, Nicodemus the Young.